

Научная статья
УДК 659.123.14
doi: 10.17223/15617793/518/4

Поэзия Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки

Александр Евгеньевич Мазуров¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, rumatamonteg@gmail.com

Аннотация. Рассматривается поэтическое творчество Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки (в сборниках «Отголоски Сибири», «Случайные песни», в издании «Сибирская газета», письмах). Отмечается, что стихотворения в составе фельетонов служили эмоциональными акцентами, заостряя внимание читателей на определенных тезисах, усиливая сатирический эффект. Обособленная от прозы поэзия, в свою очередь, отражала внутренние переживания публициста-народника и при публикации не требовала оперативности.

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, поэзия, Сибирь, «Сибирская газета», фельетоны

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е. Поэзия Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 34–41. doi: 10.17223/15617793/518/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/518/4

F.V. Volkovsky's poetry during his Siberian exile

Aleksandr E. Mazurov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rumatamonteg@gmail.com

Abstract. This article examines the poetic works of F.V. Volkovsky from his period of Siberian exile, including poems published as part of feuilletons in *Sibirskaya Gazeta* and standalone poems (in the collections *Echoes of Siberia* and *Occasional Songs*, in *Sibirskaya Gazeta*, and in letters). The aim of the research is to identify the distinctive features of Volkovsky's poetic output during his Siberian exile. The primary research methods employed are descriptive poetics, content analysis, comparative analysis, and motif analysis. Poems embedded within feuilletons served as emotional focal points, sharpening readers' attention to specific arguments, intensifying the satirical effect, or conversely, heightening dramatization. These poetic insertions also allowed the author to address other themes and issues within a unified narrative, providing a fitting mode of storytelling. Volkovsky's original poetic insertions encompassed a variety of genres: songs, ballads, fables, *byliny* (traditional oral epic narrative poems), and operetta marches. The publicist employed these forms in pursuit of polyphony and the creation of a cohesive Siberian myth. In contrast, the poetry published separately from prose reflected the inner world of this *Narodnik* (Populist) publicist; unbound by the immediacy of journalistic publication, it is richer in metaphor and allusion. These standalone poems are permeated with motifs of exile as an inescapable captivity and the imperative to continue the struggle. Two of the five poems published in *Sibirskaya Gazeta* were dedicated to one of the tragic events in Volkovsky's life in Tomsk – the suicide of his wife, Alexandra Khozhevskaya (Volkhovskaya). Thus, both the embedded poetic insertions and the standalone verses served a unified purpose: to articulate the necessity of resisting the socio-political system and the pre-reform order. In his feuilletons, Volkovsky denounced local predators and petty tyrants, while in his standalone poetry, he expressed his personal sentiments and his hope for the ultimate triumph of truth.

Keywords: F.V. Volkovsky, poetry, Siberia. "Sibirskaya Gazeta", feuilletons

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project. No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. (2025) F.V. Volkovsky's poetry during his Siberian exile. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 518. pp. 34–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/518/4

Дореволюционная периодическая печать была неразрывно связана с литературной традицией, о чем свидетельствуют частые обращения авторов к художе-

ственным и художественно-публицистическим текстам. Для сатирических жанров второй половины XIX в. была характерна интertextualность с исполь-

зованием инородных вкраплений, в том числе поэтических. Зарождение традиции во многом связано с сатирическими журналами 1860-х гг. Данная особенность отразилась и в произведениях публицистов конца XIX в., в частности в творчестве революционера-народника Ф.В. Волховского (1846–1914). За народническую пропаганду и выступления против общественно-политического строя публицист неоднократно оказывался в заключении, где и писал свои первые стихотворения [1]. Произведения были агитационными, призывали к борьбе с существующим строем, вскрывали социальную несправедливость, а также тяжелое положение несогласных с режимом. Встречаются у Волховского в данный период и произведения любовной лирики. Именно поэтическое творчество столичного периода во многом повлияло на публикуемые автором в сибирской периодике произведения.

В 1878 г. по «процессу 193-х» Волховский был сослан в Сибирь, в Тюкалинск, затем перебрался в Томск. В 1882–1888 гг. он сотрудничал с местной «Сибирской газетой» (1881–1888), став ее «негласным редактором» [2, 3]. Публицист писал фельетоны, рецензии на театральные постановки и литературные обозрения. Всего им было опубликовано в «Сибирской газете» более 100 художественно-публицистических текстов, среди них 80 фельетонов. В материалах можно обнаружить поэтические вкрапления, также публицист публиковал и обособленные от прозы стихотворения [4]. Уже после закрытия оппозиционной газеты Волховский выступал редактором поэтического сборника «Отголоски Сибири» (1889).

Цель исследования – выявление специфики поэтического творчества Волховского периода сибирской ссылки. Материалами для исследования стали как отдельные произведения, так и поэтические вставки в фельетоны. В статье рассматриваются содержательные особенности произведений, ключевые мотивы и функции. Основными методами исследования являются метод описательной поэтики, содержательный, сравнительный, мотивный анализ.

Стихотворения публициста упоминаются в различных исследованиях, посвященных фельетонам периода сибирской ссылки [5, 6], а также в обзорах творчества поэтов-народников (столичный период) в целом [7, 8]. В ряде статей в качестве особенностей фельетонов выделяют удачный сплав прозы и поэзии и обилие поэтической составляющей [3, 9]. Стоит отметить, что при этом поэзия публициста анализируется опосредованно, почти без заострения внимания на конкретных произведениях, стихотворения Волховского рассматриваются как часть общего феномена поэзии революционного народничества. Сибирская поэзия затронута исследователями лишь в рамках анализа сотрудничества с «Сибирской газетой», в контексте прозаических текстов.

Волховским опубликовано в «Сибирской газете» в 1882–1888 гг. 44 оригинальных стихотворения в составе фельетонов, а также семь обособленных произведений. После закрытия газеты в сборнике «Отголоски Сибири» (1889) опубликовано шесть стихотво-

рений публициста: все, кроме «Нивы» (1884), выходили на страницах издания. Также Волховский опубликовал в 1907 г. 11 произведений периода ссылки и два мини-цикла в сборнике «Случайные песни» (шесть стихотворений ранее были опубликованы). В фельетонах публицист обращался также к поэзии столичных и местных авторов, в его текстах обнаружено около 20 поэтических заимствований.

Поэзия в фельетонах

Поэтические фрагменты встречаются почти у всех литературных масок фельетониста: «В тиши расцветший василек» (5 фрагментов), «Фома» (9), «Иван Брут» (9), «Я. Ачинский» (1), «Консерватор» (10), «Простой смертный» (10). Особняком стоят два фельетона цикла «Сибирский раек» (псевдоним «Дядя Федул»), которые представляют собой оформленный в виде прозы засыпанный текст. Использование литературных масок и циклизация позволяли публицисту выстраивать сложные, полифонические отношения между текстами, вовлекать читателей в литературную игру [6]. Данная особенность касалась и поэтических вкраплений. В цикле «Сибирский музей» «Консерватор» вел постоянный диалог с читателем, призывая пополнять коллекцию «выдающихся героев грабежа, угнетения, лжи и ханжества» (СГ. 1884. № 12). Поэзия в цикле раскрывалась за счет персонажа, корреспондента Касьяна Пафнутьевича, который вступал в диалог с рассказчиком с различными «экспромтами» и ироничными комментариями. «Буффонадный» образ контрастировал с «хранителем музея», был склонен к «эзопову» языку, поэзии. Так, во втором фельетоне цикла Касьян, начав разговор с вопроса («Ну, что? Доплясились со своими обличениями?»), предложил «катить» оды, вспоминая времена, когда квартальные надзиратели были «из кантонистов аракчеевских»:

Не лучшие ль гимн сложить Кондратов силе властной,
В свирепой оргии забывшихстыд и честь,
Глумящихся над родиной несчастной...
Им на алтарь рабов несите лесть! (СГ. 1884. № 15).

Таким образом, авторство оригинальных поэтических вставок часто приписывалось волховским читателям газеты, корреспондентам и персонажам. Например, в фельетоне «Еще о сезон» (СГ. 1886. № 22), опубликованном накануне выборов гласных, одним из сатирических объектов выступал заступающий место городского головы А.М. Ермолов. «В тиши расцветший василек» (псевдоним Волховского) якобы услышал «вылившуюся прямо из души чью-то импровизацию», которая позволила осмеять чиновника, занимавшего должность уже двенадцатый год подряд. В фельетоне цикла «В толпе» после былины с анахронизмами «Чурила в К-е» (где богатырь является помощником полицмейстера), якобы услышанной автором у столетнего старика, как обратный пример (невозможности благодарности полицейским чинам со стороны современников) приводилось стихотворение «Кумушки» «начинающего ялугоровского поэта» «Голь» (СГ. 1886. № 22). Из 44 стихотворений в прозаических

текстах вопрос атрибуции остается открытым как минимум для четырех, где невозможно определить, является ли «деперсонификация» частью литературной игры или истинным обозначением авторства.

Например, в фельетоне «Весна идет!», опубликованном под псевдонимом «Иван Брут», стихотворение с простыми рифмами, просторечиями, восхваляющее сезон года, предварялось следующей подводкой:

Действительно, количество получаемых редакцией «Сиб. газ.» весенних стихотворений день ото дня увеличивается. Некоторые из них прелестны. Не могу отказать себе в удовольствии поделиться с читателями хотя бы несколькими куплетами (СГ. 1888. № 24).

Оригинальные поэтические вкрапления в фельетонах чаще всего гармонично встраивались в общую канву сюжета и размышлений, позволяя Волховскому подтвердить тезисы, становились своеобразными эмоциональными акцентами или непосредственно частью фабулы. Например, в материале «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» фельетонист рассказывал о распродажах и проникновении «дешевки» во все сферы жизни сибиряков, подчеркивая тезисы стихотворением:

*В ходу лежальные товары
И залежальные [фуды],
В ходу дешевенькие бары
И речи, полные воды (СГ. 1883. № 19).*

Размышления о дешевизне человеческой личности публицист завершал несколькими строками из стихотворения И.С. Никитина «Нищий»: «Жаль разумное Божье созданье, // Человека – в грязи и с сумой!». Таким образом, заимствованные стихотворения также выполняли в фельетонах функцию эмоциональных акцентов и обобщений, при этом отсылая к общероссийскому литературному наследию и понятным читателям образам. В отличие от оригинальных произведений публициста, заимствованные поэтические вставки чаще всего были представлены в виде нескольких строк и четверостиший, а также в качестве эпиграфов, являлись отсылками.

Частью фабулы оригинальное поэтическое вкрапление становилось в фельетоне цикла «Летопись мирного городка», где описание ожиданий окружного судьи Мирона Мироныча, которого должны были назначить председателем открывавшегося в Ачинске присутствия по крестьянским делам, завершалось пародией на басню И.А. Крылова «Квартет»:

*Как быть присутствию? Позвольте же: поглядите!
На председателе мундира нет! А он
В старинном фрачнике, без талы,
Напяли сверху белый балахон! (СГ. 1884. № 29).*

В данном случае стихотворение выполняло роль кульминации, перечеркивало надежды на перемены после смены городского головы в Ачинске (в 1883 г. в городе место городского головы, которое принадлежало

М. Живдонину, занял купец 1-й гильдии Г.Н. Максимов) – вместо окружного судьи пост председателя присутствия по крестьянским делам занял один из уже «прославившихся» в городе «помпадуров».

Поэтические вставки в фельетонах публициста позволяли также сменить тему, наоборот встроить в повествование не связанный напрямую с основной идеей сюжет, служили лирическими отступлениями. Так, в фельетоне цикла «Сибирский музей», посвященном проблемам гласности, был введен сюжет о злоупотреблениях на приисках: публицист отмечал, что даже в глухи можно встретить «песни, не то былины», отстаивающие интересы рабочего (СГ. 1884. № 19). В материале «Путешествие в глубь страны» о проблемах и коррупции в разных сферах жизни сибиряков выезд фельетониста из Томска сопровождался описанием красоты сибирской природы: «Летище в степи необразимой // Сам – друг; с тобой один ямщик, // И только слышен визг полозьев, // Колокольцы, ямщикий крик...» (СГ. 1882. № 47).

Фельетон цикла «В толпе» начинался с описания сезона года: «Ямщик бодрей к саням идет // И путь обдумывает длинный... // Да, так: пришла, пришла сама // Царица севера – зима!» (СГ. 1886. № 41). В дальнейшем в тексте публицист обращался к указанию на некачественную уборку наледи с томских тротуаров:

Если не что-либо иное, то одни сияющие рожицы ребятишек, уже успевших подвязать себе коньки и пытающихся приспособить все томские тротуары к наилучшему разбиванию лбов пешеходов – указывают безошибочно на ее пришествие (СГ. 1886. № 41).

Таким образом, публицист создавал настроение в текстах, подталкивая читателя к определенным мыслям или, наоборот, демонстрируя контраст с приводимыми в дальнейшем фактами.

Оригинальная поэзия в фельетонах чаще всего была пронизана иронией и сарказмом, позволяя усиливать сатирический эффект. Например, в фельетоне цикла «В толпе» после описания продажи дров, предназначенных для воинской части, Волховский иронично характеризовал городскую управу, которая пыталась противодействовать хищению:

*Возясь с аришином и весами,
Цена одни лишь барышни,
Не могут жертвовать рублями
Они для сердца, для души! (СГ. 1886. № 4).*

В стихотворениях в составе фельетонов Волховский обращался и к пародиям на произведения других авторов. В качестве примера может выступить обсуждение неточностей статьи гласного думы Томска И.В. Ефимова в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». Публицист через диалог с персонажем Михеем Михеичем вводил еще один сюжет, связанный с гласным. Ефимов ревностно охранял границы собственного земельного участка от отдыхающих, публикуя в местных газетах многочис-

ленные объявления. В дальнейшем публицист отмечал, что это «ландрортство» давно воспето, и пародировал «Илиаду»: «Гнев, о богиня, воспой Ивана, Владимира сына: // Ярость святую его, землевладельцу ярость» (СГ. 1883. № 42). Обращения к различным сюжетам из других произведений помогали достижению сатирического эффекта за счет создания подтекста, проецирования пороков настоящего на героические события прошлого, или же, наоборот, подчеркивания типичности явления.

Оригинальные поэтические вставки в творчестве Волховского были представлены различными жанрами: песни, баллады, басни, былины, опереточные марши. Волховский обращался к ним в рамках ориентации творчества на интертекстуальность, создание единого сибирского мифа. В фельетоне «Перед праздниками» сюжет о полицмейстере раскрывался в виде сказки в стихах, якобы изданной в Минусинске; о нечестных выборах в Красноярске – в виде детского псенника (СГ. 1882. № 51). Поэзия в прозаических текстах представляла, как правило, незамысловатые по форме стихотворения, выставляющие гипертрофировано негативные стороны объектов сатиры, в них присутствовало мало метафор и эпитетов.

Периодически форма таких вставок нарушалась в рамках стилизации, создания сатирического эффекта или же для передачи слов «автора»: Волховский переходил на вольный стих, использовал пиррихи и спондеи. Так, в фельетоне цикла «Сибирский музей», обращаясь к сюжету о благодетельной Тыкве, которая покровительствует женским приютам в городе Потемкинском и издается над воспитанницами, публицист через корреспондента Касьяна вводил в текст гимн, сочиненный в ее честь: «Чем же мы, живя спокойно // Под покровием твоим, // Воздадим тебе достойно, // Чья тебя, как мать свою?» (СГ. 1885. № 15). Публицист отмечал, подчеркивая абсурдность:

Придворный поэт, очевидно, так переполнился благоговением к доблестям благодетельницы, что не успевал следить за правильностью стиха и в последней строфе допустил некоторую поэтическую вольность, но иначе и быть не могло (СГ. 1885. № 15).

Стихотворения внутри прозаических текстов, таким образом, становились неразрывной частью цельного замысла, служили утилитарным задачам публициста: заострить сатирический выпад или усилить эмоциональное воздействие; отослать к иным литературным произведениям, оставив тем самым часть содержания в контексте; ввести другие сатирические объекты или отступить от основной темы произведения; задать настроение. Тематика и основные мотивы поэтических вкраплений в рамках их склонности к «сюжетности» также подчинялись авторским задачам. Волховский обращался к обличению пороков конкретных людей (своровавшего известку бийского купца Василия Гилева, чиновника по крестьянским делам, мэра Красноярска), событий (выборов в Красноярске, открытия присутствия по крестьянским делам в Ачинске, Никольской ярмарки в Ишиме), характерных явлений (тяжелая жизнь крестьян и рабочих, хищничество

местных «кулаков-мироедов» и чиновников, отсутствие гласности и нетерпимость к печатному слову, проблемы золотодобычи). Изредка произведения служили для описания статичных образов: например, введение мотива красоты сибирской дороги, констатации прихода зимы. Произведения часто конкретизировали рассуждения, позволяя дать меткие характеристики сатирическим объектам или, наоборот, создавали определенное настроение, подводя к последующим иллюстрациям.

Например, в фельетоне цикла «Сибирский музей», описывая нравы города Черноярска (речь о Красноярске), Волховский давал следующую характеристику «лорд-мэру Пахому Перетычке» (вероятно, речь идет о мэре Красноярска в 1882–1884 гг. И.И. Токареве), который являлся одним из персонажей текста:

*Я знал лорд-мэра Перетычку –
Он важно заседал в управе;
Я знал того же Перетычку –
Он сквернословил на пожаре (СГ. 1884. № 22).*

Стоит отметить, что такое прагматическое отношение к поэзии как инструменту обличения, способу раскрытия собственной позиции, свойственно Волховскому в рамках понимания им целей литературного творчества в целом. В фельетонах им неоднократно осмеивались поэты Феба, восхваляющие весну и способные видеть ее прелести:

Давно, признаюсь, завидую я поэтам и вообще художникам, любимцам Феба: чего нашему брату, простому смертному, и во сне не снилось – они наяву видят, собственными ушами слышат и перстами осязают! Вот хоть весну возьмите (СГ. 1886. № 13).

В дальнейшем в тексте Волховский приводил различные примеры поэзии и прозы о весне: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, произведения А.С. Пушкина, И.З. Сурикова. Сам публицист рисовал картины грязных улиц и нечистот, эпидемий, отсутствия врачей в Сибири, а в заключении в ироничном ключе обращался к строкам из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа»: «...не для битв – // Мы рождены для вдохновенья, Для звуков сладких и молитв».

Во многом публицист ориентировался на сатирические издания 1860-х гг., в частности «Свисток» и «Искру», для которых была характерна полемика с поэтами чистого искусства, утверждение прикладной роли литературного и публицистического творчества. Стоит отметить, что сама традиция использования поэтических фрагментов внутри прозаических текстов, а также различных других иностранных вкраплений во многом восходит именно к этим сатирическим изданиям.

Взгляды публициста на поэзию находили отражение и в литературных обозрениях, в особенности в материале «Что пишут?», посвященном творчеству поэта С.Я. Надсона. Волховский, обозначая как одну из целей жизни человека борьбу «справедливости с себялюбием, света с тьмою <...> обделенных с ожиревшими» (СГ. 1887. № 6), отмечал, что необходимость борьбы

при этом часто противоречит желанию собственного, личного счастья, свойственному каждому. Публицист приходил к выводам, что именно Надсон смог отразить жажду к жизни и понимание необходимости нравственной борьбы:

Он был правдив, он был так же чист душой, как не отуманенное ничем зеркало, и так же, как в зеркале, отразилась в нем та непомерная тягость современной жизни, которая заставляет и сильных людей сомневаться в своей силе. Но зеркало отражает безжизненно и безучастно, а молодой поэт отразил эту черту современности так, что каждый находит в нем отзвук слишком знакомых собственных жгучих дум и чувств (СГ. 1887. № 6).

Обособленная поэзия

В сборнике «Отголоски Сибири», изданном в Томске в 1889 г., публицист также обозначал свою позицию, касаясь уже другой стороны поэзии, ее эстетической стороны. Сравнивая жизнь с топчаком на муко-мольне, которая силой инерции заставляет человека перебирать ноги, Волховский отмечал:

В минуты усталости и тягости приятно иметь под рукой несколько вполне понятных, родных поэтических строф, которые, лаская ухо созвучиями, вызывают в душе картины, мысли, или чувства, отрывавшие нас от атмосферы обыденного существования [10. С. 2].

Рассуждая о том, какие произведения вошли в состав сборника, публицист называл их «светлыми брызгами поэтической волны» и отмечал, что в Сибири еще нет своего цельного поэта. Среди критериев отбора произведений обозначались: наличие истинного чувства и одушевления, «возможное изящество формы» и «отсутствие квасной или барабанной подкладки патриотизма» [10. С. 1–8].

Поэзия Волховского вне состава прозы была в первую очередь лирической. В «Сибирской газете» было опубликовано семь стихотворений: два в 1886 г. – «Новый год» (СГ. 1886. № 2), «Широкая масленица» (СГ. 1886. № 8); пять в 1888 г. – «Песни сибирского поэта» (СГ. 1888. № 4), «Нет, на земле ищите вдохновенья» (СГ. 1888. № 35), «Горелый лес» (СГ. 1888. № 38), «Соловей» (СГ. 1888. № 41), «22 июля 1888 года» (СГ. 1888. № 55). Помимо произведений, опубликованных в 1888 г., в состав сборника «Отголоски Сибири» (1889) вошло ранее не опубликованное стихотворение «Нива». В «отголосках» поэзия отличалась от первых редакций: были изменены некоторые строки, часть текста в сборнике расширена.

Стоит отметить, что произведения, опубликованные в «Сибирской газете» в 1886 г., типологически ближе к поэзии в составе сатирической прозы. Оба стихотворения приурочены к конкретным праздникам – Новому году и Масленице. Стихотворение «Новый год» при этом отличается сатирическим звучанием, публицист приводил различные типы «героев грабежа», рассказывая о том, как они готовятся к празд-

нику, и демонстрируя тем самым статичность, непоколебимость злоупотреблений: «Что в поздравлении с новым годом // Всего есть меньше новизны!» (СГ. 1886. № 2). Стихотворение «Широкая масленица» являлось больше юмористическим, не критиковало конкретные пороки, а создавало образ пира: «И трещат сибирские желудки, // вместе с ними головы трещат» (СГ. 1886. № 8).

Все обособленные от прозы стихотворения Волховского в «Сибирской газете» в 1888 г., напротив, представляют собой полноценные лирические произведения. Первое из них, «Песни сибирского поэта», было посвящено жизни в ссылке. Публицист характеризовал «сибирские напевы» как невеселые, звучащие «холодной непогодой» и «жесткостью страны своей родной», созданные «под звук цепей», но при этом отмечал их «мощь, и благородные мечты», продиктованные «одной лишь честностью». Завершалось стихотворение надеждой на перемены, что эти «напевы» сумеют дотучаться до людей. В данном произведении фигурировал мотив борьбы, стремление к разбиванию оков. Стоит отметить, что в стихотворении «Песни сибирского поэта» указан адресат, оно посвящено «Л. П. Ф.» – сестре политического ссыльного Н.П. Фомина, Л.П. Фоминой. В 1887 г. в Томке началось следствие о тайных кружках в женской гимназии и реальном училище, в ходе расследование было установлено, что «недозволенную литературу» обучающиеся получали у политического ссыльного [11. С. 88–89].

Для творчества публициста было характерно продолжение некрасовских мотивов: отражение темы униженного положения народа и неопределенности его будущего, создание образа поэта, который с помощью стиха отстаивает позицию, пытается способствовать преобразованиям; сатирические выпады в сторону действовавшего общественно-политического строя. При этом у Волховского в рамках его склонности к диалогичности, а также за счет образа жизни – большую часть времени публицист посвящал борьбе за свои идеалы – и декламационного характера народнической поэзии в целом, стихотворения принимали более упрощенную форму, являясь сконцентрированными переживаниями, тезисами, как бы становясь частью публицистического наследия.

Аналогичный мотив «сибирских напевов» раскрывался публицистом и в стихотворении «Нет, на земле ищите вдохновенья». Произведение начиналось с эпиграфа, отрывка из произведения поэтессы Ю.В. Жадовской «Не на земле ищи ты вдохновенья». Волховский с первых строк опровергал тезис поэтессы, подчеркивая чуждость человеческих стремлений небу и «миру холодных звезд». В дальнейшем он описывал борьбу, характеризуя жизнь как путь «в потьмах» с падениями, «израненными стопами», «проклятием греха, ошибок, бед», но отмечая, что среди всего этого «зреет» любовь и братство, побеждает истина. Волховский считал борьбу и стремление к лучшему основой жизни человека, которую «не заменить безгрешным неба сном». В своей поэзии он всегда фокусировался на необходимости жить вне отрыва от реальности, призывал «совершать ошибки». Таким обра-

зом, публицист как бы противопоставлял реализм отвлеченной, романтической картине мира, продолжая тематику, озвученную в фельетонном творчестве в обращениях к «поэтам Феба», высмеивая не имеющие пересечения с реальностью образы.

Стихотворения «Горелый лес» и «Соловей» были подписаны «Памяти Саши». Супруга Волховского, сланная в Сибирь народница А.С. Хоржевская, в 1886 г. застрелилась, после чего публицист остался один с тремя детьми [6]. Волховский писал американскому журналисту и своему другу Дж. Кеннану о супруге:

Образованная, нежная девушка помещичьей среды, она не задумалась босиком, в деревьюсь крестьянском сарафане наняться полоть сорную траву в одном из киевских огородов, не задумалась жить жизнью «стрипки» рабочей артели, не задумалась, под опасением катоги, вести революционную корреспонденцию и заведовать «администрацией» своего кружка, – все затем, чтобы возвратить своему народу (рабочему народу) наилучшим и действительным из известных ей способов – то, что она получила от него, как дворянская, помещичья дочь [12].

В стихотворении «Горелый лес» публицист создавал картину гибели природы, описывал лес после пожара с упавшими и обгоревшими соснами. Волховский отмечал, что кое-где «в виде новых поколений» растет «кривой березнячок» и «зеленеет травка», но при этом характеризовал это поколение как уже привыкшее к «ударам и беде». Таким образом, публицист намекал на продолжение борьбы, несмотря на общее декадентское настроение. Завершалось стихотворение выражением тоски по супруге: «И заползает в душу грусть невольно, // Растет досада смутная в груди, // Как будто и обидно мне, и больно, // Что жизнь загублена здесь без пути...».

В стихотворениях вне прозы, в отличие от фельетонов, часто встречаются эпитеты и метафоры, аллюзии, высокая лексика. Автор создавал богатый образный мир, раскрывая переживания лирического героя, проецируя грусть и обиду, несбыившиеся надежды, но при этом готовность отстаивать свои идеалы. Стоит отметить, что ритмический рисунок в обособленных стихотворениях более выверенный и стройный, чем в стихотворениях внутри прозаических текстов. Несмотря на тяготение к двухсложным размерам, в обособленной поэзии встречается и дактиль, погружающий в элегическое настроение, что связано непосредственно с тематикой произведений. Как правило, создавая ритмический рисунок, публицист обращался к перекрестным, точным и односложным рифмам, не придавая особого значения формальным и стилистическим признакам. Для Волховского ключевым в поэзии было содержание, тезисы, которые необходимо донести до читателей, и возможность их раскрыть в символических образах.

В стихотворении «Соловей» публицист создавал образ птицы, «поэзии данницы», которая залетела в Сибирь. Лирический герой спрашивал причину при-

лета: связан ли он с «ширью» края, вечной сумрачностью «здесьних таег», дали от людей, и сразу указывал, что в этом крае соловей – «желанный певец облегчения сирых, забытых, убогих», способный уменьшить муки «подневольных сердец», заставить их вспомнить о родном доме, рокоте реки Буг (на территории нынешней Украины), воздухе Волги. Публицист как бы открывал соловья в супруге, которая заставляла его хранить в себе «истины слово святое».

Последним стихотворением, опубликованным Волховским в «Сибирской газете», было «22 июля 1888 года». Произведение посвящалось открытию первого в Сибири университета. Стихотворение представляло собой оду, содержание которой условно делится на три части. Публицист отмечал значимость события, подчеркивая, что «солнце светит с новой силой // И иначе льется свет дневной» (СГ. 1888. № 55). В рамках традиций жанра, обращаясь к красоте и силе мысли, публицист вводил античный сюжет, миф о Промете. Для Волховского как «негласного редактора» областнического издания, а также революционера-народника просвещение представлялось одним из путей преобразования действительности.

Стоит отметить, что в сборнике «Отголоски Сибири» (1889) ряд опубликованных в «Сибирской газете» стихотворений датирован, также публицист указывал место написания произведений. Так, стихотворение «Песни сибирского поэта» было написано 16 сентября 1887 г. в Томске, «Горелый лес» – в селе Тюменцево Томской губернии в июне 1884 г., «Соловей» – в селе Гутово Томского уезда в 1884–1887 гг.

Лишь одно из стихотворений – «Нива», написанное в селе Боровлянка Томской губернии в июне 1884 г., ранее не было опубликовано на страницах издания [10. С. 56–57]. В стихотворении поле обращалось к пахарю «каждый раз при встрече». Главным в произведении являлся образ крестьянина, который описан в ряде эпитетов как «ненарядный», «закоптелый», «серый», «неприглядный». Публицист при этом подчеркивал желание нивы отблагодарить «радетеля» за его труд: «Для меня одной, для нивки Божьей // Ты любого барина пригожей». Таким образом, в данном стихотворении реконструировалась народническая идеологема – образ честного, трудового народа.

В 1885–1886 гг. Волховский встречался в Томске с американским журналистом Кеннаном. 25 января 1889 г. публицист писал Кеннану, что встретил Новый год с другими политическим ссылыми: «С приближением полуночи мы взяли стаканы с вином, и я прочел следующее наскоро написанное стихотворение» (Письма Ф.В. Волховского Дж. Кеннану, 1889). Произведение представляло собой новогодний «тост», в котором публицист призывал поднять бокалы в кругу единомышленников. Волховский давал следующую характеристику ссылым: «От юноши, друзья, до ветерана // Мы знаем все святое слово «труд»: // Мы все трудились честно, без обмана, // Хоть нам враги трудиться не дают». Публицист описывал, что, несмотря на трудную жизнь («в земле не-

мало наших трупов тлеет»), на смену прежним борцам с режимом приходят новые. Позднее данное стихотворение, значительно доработанное в стилистическом и содержательном планах, усложненное мотивами рабочего движения, было опубликовано под названием «Новогодняя песня» в «Случайных песнях», а еще ранее – в «Летучих листках», издаваемых Фондом вольной русской прессы в Лондоне, под заголовком «1897».

В разделе «В ссылке» сборника «Случайные песни», изданного в Москве в 1907 г., вошли как ранее опубликованные в «Сибирской газете» («Соловей», «Горелый лес», «Нива», «Песни сибирского поэта», «22 июля 1888 г.», «Нет, на земле ищите вдохновенья»), так и оригинальные стихотворения («Песня обозного ямщика», «Посвящение», «Призыв», «Соломону Ч.», «Ответ на приятельскую записку о двух рублях»). Тематика произведений в сборнике разнообразна, автор обращался к тоске ямщика о доме («Песня обозного ямщика»), в ироническом ключе описывал необходимость вернуть долг («Ответ на приятельскую записку о двух рублях») и призывал ответить на его чувства возлюбленную («Призыв»). Вероятно, стихотворение «Призыв» было посвящено жене Волховского, Хоржевской, и написано в годы пребывания публициста в Тюкалинске. Автор просил возлюбленную разглядеть «чувства нового пробившийся родника» и не принимать душевную усталость за «мертвленность души»: «Так много гибнет сил в пустыне повседневной!» [13. С. 49]. В стихотворении «Посвящение» Волховский рассуждал о значении поэзии как способной поднять человека, погруженного во «вседневное волнение» и «житейскую суету», над «миром мелочных интриг», а в произведении, посвященном народнику и сотруднику «Сибирской газеты» С.Л. Чудновскому («Соломону Ч.»), описывал совместный путь «к могиле честной» и неизменность принципов: «Кто первый не придет к могильной сени, – // Он будет знать, что друг за ним идет, // Что этот друг, любя, согнет колени, // И с гордостью слезу над ним прольет» [13. С. 50].

Опубликованные в сборнике «Случайные песни» произведения периода сибирской ссылки можно охарактеризовать как лирические и бытовые, автор не находил возможность разместить их на страницах периодических изданий или концептуального сборника, посвященного поэзии региона, из-за отсутствия идеологической составляющей. Помимо самостоятельных произведений, в разделе «В ссылке» опубликовано несколько небольших циклов, стихотворения в которых связаны с обстоятельством написания: под заголовком «Из дорожных впечатлений» – два произведения, «В детской» – четыре. Стихотворения цикла «В детской» были написаны публицистом для его дочерей (Софья, Вера и Катерина), они затрагивали разнообразные бытовые сюжеты, в частности были посвящены коту Ваське, с которым играла дочь, а в дальнейшем его гибели, а также петушку, которого «Соня» смастерила из бумаги. Отдельно стоит выделить стихотворение «Генерал»: из-за своей специфики оно ближе к поэзии в составе фельетонов и является юмористическим. Публицист вводил в детское произведение, по аналогии со

своими сказками [14], социальный подтекст, рассказывая о чиновном козле «Генерале» и его желании жениться. Стоит отметить, что часть стихотворений из мини-цикла «В детской» были опубликованы незадолго до ссылки, в 1877 г., в журнале «Семья и школа».

Таким образом, поэзия была важной частью творчества Волховского в «Сибирской газете», а также сибирского периода в целом. Публицист, как правило, использовал ее в составе фельетонных текстов: стихотворения служили эмоциональными акцентами, позволяя сфокусировать внимание читателей на определенных мыслях и идеях, усилить сатирический эффект или, наоборот, способствовали драматизации. Также поэтические вставки позволяли публицисту сменить тему, переключиться на другую проблематику в составе прозаического текста или же служили наиболее подходящим способом повествования. Поэтические вкрапления в фельетонах отличались большим объемом и простотой формы, часто публицист в рамках литературной игры вводил стихотворения с помощью персонажей или приписывал авторство корреспондентам. Волховский неоднократно обращался к пародиям и отсылкам к конкретным литературным сюжетам, следуя традициям сатирических изданий 1860-х гг. Несмотря на простоту оригинальной поэзии, такие вставки служили формированию художественного целого, позволяя обращаться к различным событиям, и выступали частью эзопова языка и редакционного шифра. Данный вариант бытования поэтического в творчестве публициста всегда служил достижению конкретной утилитарной задачи, поставленной автором, изредка выступая в качестве лирических фрагментов. Волховский в стихотворениях обращался к обличению пороков конкретных людей, событий, характерных явлений. Изредка поэзия в фельетонах служила описанию статичных образов, выполняла эстетическую функцию: например, введение мотива красоты сибирской зимней дороги, констатация прихода зимы. Обоснованная от прозаического текста поэзия, в свою очередь, была лиричной, отражала внутренние переживания публициста-народника и при публикации не требовала оперативности. Стихотворения были пронизаны мотивами ссылки как плены, а также необходимостью продолжения борьбы за изменения. Два стихотворения из пяти, опубликованных в «Сибирской газете» в 1888 г., были посвящены одному из трагических событий в жизни Волховского в годы проживания в Томске – самоубийству супруги Александры Хоржевской (Волховской). И поэтические вкрапления, и отдельные стихотворения публициста, таким образом, за исключением некоторых бытовых сюжетов, служили единой задаче – отражению борьбы с существующим общественно-политическим строем, способом проявления народнических тезисов и идеологем. В фельетонах в поэтических фрагментах Волховский обличал в рамках демократической традиции местных «хищников» и «помпадуров», в поэзии вне прозы – отражал собственные чувства, надежду на победу истины и дальнейшую борьбу, ее продуктивность.

Список источников

1. Рощевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.
2. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
3. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
4. Жилякова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
5. Жилякова Н.В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 387 с.
6. Мазуров А.Е. Фельетонное творчество Ф.В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.
7. Вольная русская поэзия второй половины XIX в. / сост. С.А. Рейсер, А.А. Шилова. Л., 1959.
8. Поэты-демократы 1870-х – 1880-х годов / сост. В.Г. Базанов, Б.Л. Бессонов, А.М. Бихтер. Л., 1968.
9. Жилякова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавания в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
10. Отголоски Сибири : сборник стихотворений разных авторов / ред. Иван Брут (Ф.В. Волховский). Томск, 1889.
11. Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского гос. университета. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95.
12. Архив Библиотеки Конгресса (редкие книги и специальные коллекции). «Бумаги Джорджа Кеннана». Ящик 1. «Письма Ф.В. Волховского Дж. Кеннану».
13. Волховский Ф.В. Случайные песни. М., 1907. 98 с.
14. Мазуров А.Е. Сказки Ф.В. Волховского периода сибирской ссылки (1881–1888 гг.): фельетонное наследие и детские произведения // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 5–6 февраля 2024 г. М., 2024. С. 541–542.

References

1. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkovskogo) [Poet of free press in Siberian exile (on the 120th birthday of F.V. Volkovskiy)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of Studying and Teaching Literature]. Tyumen: Tyumen State Pedagogical University. pp. 51–69.
2. Krusser, R.G. (1978) Neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [The secret editor of The Sibirskaya Gazeta]. *Ogni Kuzbassa*. 3. pp. 72–79.
3. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkovskiy – the secret editor of the Sibirskaya Gazeta]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Russkiye pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 147–167.
4. Zhilyakova, N.V. (2002) "Sibirskaya gazeta", g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavleniye literaturnogo regionalizma [The Sibirskaya Gazeta, Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Zhilyakova, N.V. (2020) "Oblichat, kolot' i zhalit'"': Satiricheskaya zhurnalistika Tomska kontsa XIX – nachala XX veka ["Expose, Sting and Prick": Satirical Journalism of Tomsk at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Mazurov, A.E. (2022) *Felyetonnnoye tvorchestvo F.V. Volkovskogo v kontekste razvitiya regional'noy sibirskoy periodiki* [Humorous journalistic works of F.V. Volkovskiy in the context of regional Siberian periodicals development]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Reysner, S.A. & Shilov, A.A. (eds) (1959) *Vol'naya russkaya poeziya vtoroy poloviny XIX v.* [Free Russian Poetry of the Second Half of the 19th Century]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
8. Bazanov, V.G., Bessonov, B.L. & Bikhter, A.M. (eds) (1968) *Poety-demokrati 1870-kh – 1880-kh godov* [Democratic Poets of the 1870s–1880s]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
9. Zhilyakova, N.V. (2008) [Between literature and journalism: humorous articles of F.V. Volkovskiy in the Sibirskaya Gazeta]. *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri* [American Research in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tomsk. 18–19 October 2007. Tomsk: Tomsk State University. pp. 333–345. (In Russian).
10. Ivan Brut (Volkovskiy, F.V.) (ed.) (1889) *Otgoloski Sibiri* [Echoes of Siberia]. Tomsk: Izdanie Yu. P. Matveevoy.
11. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkovskiy – сотрудник "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkovskiy – contributor to the Sibirskaya Gazeta]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnyye trudy Tyumenskogo gos. universiteta*. 14. pp. 84–95.
12. The Library of Congress Archives (Rare Book and Special Collections Division). *Pismá F.V. Volkovskogo Dzh. Kennanu* [Correspondence of F.V. Volkovskiy with J. Kennan]. Box 1.
13. Volkovskiy, F.V. (1907) *Sluchaynyye pesni* [Random Songs]. Moscow: [s.n.].
14. Mazurov, A.E. (2024) [Tales of F.V. Volkovskiy from Siberian exile period (1881–1888): humorous legacy and children's works]. *Zhurnalistika v 2023 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2023: Creativity, Profession, Industry]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 5–6 February 2024. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 541–542. (In Russian).

Информация об авторе:

Мазуров А.Е. – канд. филол. наук, научный сотрудник учебной лаборатории редакционно-издательского дела Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumamatonteg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

А.Е. Mazurov, Cand. Sci. (Philology), research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumamatonteg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 13.03.2025;
approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.